

ТЕМА НОМЕРА

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.775

«Право на город»: опыт анализа дворовых сообществ с позиции критической теории (на примере Минска)

Ссылка для цитирования: Лебедева Е. В. «Право на город»: опыт анализа дворовых сообществ с позиции критической теории (на примере Минска) // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 1. С. 44–66. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.775

For citation: Lebedeva E. V. “Right to the city”: experience of analysis of courtyard communities from the position of critical theory (by the example of Minsk). *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 44–66. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.775

Лебедева Елена Викторовна¹

¹Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь

Elena_lebedeva_bsu@tut.by

AuthorID ПИНЦ: 950267

Аннотация. Традиционно советский двор был представлен в городских исследованиях как сфера притяжения интересов большинства соседей. Однако перемены, произошедшие в постсоветский период (коммерциализация публичного пространства, расслоение и сегрегация горожан), значительно ослабили активность дворовых сообществ. В последнее время под воздействием ряда факторов (пандемия COVID-19, рост социально-политической активности) города, напротив, переживают этап значительного гражданского подъёма, традиции совместного проведения времени в жилых дворах постепенно возобновляются. Возрождение активности дворовых сообществ актуализирует изучение вопросов, связанных с восприятием горожанами своего «права на город», границ и возможностей его практической реализации, а также влияния коммуникативных факторов. Методологической основой анализа дворовых сообществ выступила неомарксистская интерпретация критической теории (А. Лефевр, Д. Харви, Д. Митчелл). Собранные в ходе исследования эмпирические материалы (результаты анкетного опроса, дополненные анализом содержания соседских чатов) выявили ряд принципиальных отличий «новых» дворовых сообществ от традиционных («советских»). В «советских» дворовых сообществах городское участие представляло собой не столько реализацию «права на город», сколько пример общинной (сельской) кооперации (форму низовой самоорганизации для достижения поставленных целей с наименьшими затратами). В случае с «новыми» дворовыми сообществами движущей силой выступает «урбанность» как возможность определять себя как горожанина, желание оставить свой след в городской среде. При этом «право на город» выходит за рамки его утилитарного понимания (как благоустройство городской среды) и приобретает черты символического самоопределения, становится правом на производство собственной идентичности. Формирующиеся на основе реализации собственного «права на город» дво-

ровые сообщества характеризуется умением достигать компромисса и выработать общепринятые правила коммуникации. При сохранении подобных тенденций «право на город» будет тесно коррелировать с такими понятиями, как «коммуникация», «публичная сфера», «форум», а его практическая реализация всё меньше будет привязана к непосредственному «отвоеванию» физических территорий и всё больше станет разворачиваться в коммуникативной плоскости.

Ключевые слова: городская среда, городское участие, «право на город», самоуправление, соседские сообщества, коммуникация, критическая теория

В литературе, посвящённой городской исследовательской традиции, 1950–1960-е гг. часто называют «золотым веком» советской дворовой культуры. Среди возможных катализаторов дворовой активности указываются и появление идеи благоустроенного двора [15, 16], и активное переселение в города сельских жителей, имевших более выраженную, чем у «классических» горожан, потребность в выстраивании взаимосвязей общинного типа [5], в результате чего «большинство жителей дома оказывается так или иначе вовлечено в дворовый быт» [15, с. 195], и даже стремление противостоять официальной идеологии, уход в «альтернативные» пространства, когда «неконтролируемые собрания людей в центральных открытых пространствах были нежелательны, и повседневные взаимодействия городских жителей были загнаны в приватную сферу или в пустые, ничейные места: кухни, гаражи, задние дворы и пустыри, формируя именно в этих зонах жизнь, альтернативную той, что была навязана государством» [8, с. 269]. Как бы то ни было, советский двор представлял собой сферу притяжения интересов большинства соседей. Любой «чужак», случайно оказавшийся в его границах, как и любой «нарушитель порядка», никогда не оставались без внимания. Любой играющий во дворе ребёнок, как и любое сушившееся в нём же бельё, всегда находился под присмотром. Во дворах формировались негласные соседские сообщества («коллектив жильцов»), которые выступали в роли носителя правил дворовой жизни («у нас так не принято»), принимали на себя ответственность за сохранность дворового имущества и даже выступали в роли арбитров в случае возникновения конфликтных ситуаций («пусть соседи рассудят»). Соседское сообщество в полной мере выступало «хозяином обобществлённых частей и территорий домовладения, в первую очередь – двора» [17, с. 157].

Культура дворовых сообществ: расцвет, упадок и снова расцвет

Советские дворы представляли собой классический образец общественного пространства – они обладали способностью создавать сообщество (объединять вокруг себя жителей близлежащих домов), обеспечивать

его узнаваемыми символами (неформальными лидерами, публичными персонажами), тем самым обозначая и закрепляя границы данного сообщества, выступать в роли «организационного пункта» (вовлекать жильцов в благоустройство двора, давать возможность соседям оперативно помогать друг другу), служить инструментом неформального контроля, устанавливая негласные правила сосуществования [11].

Произошедшие после падения советской системы экономические и политические перемены запустили процессы, которые в конечном итоге привели к значительному затуханию дворовой активности. В научном дискурсе по поводу города появился термин «кризис публичности» [30] – фактический «захват» публичного пространства, использование его в коммерческих целях, возрастающая боязнь незнакомцев («stranger danger»¹), расслоение и сегрегация жильцов, отчуждение и равнодушие к тому, что происходит за пределами собственной квартиры. Изменилось само понимание того, что означает «жить в городе». На смену «обитанию» (inhabit) как комплексу практик (социальная и культурная активность, способность к коллективному действию, самоорганизация, участие в жизни сообществ) пришло «жилище» (habitat) – отчуждение, разобщённость и подозрительность [29]. Иными словами, при сохранении прежней территориальной дистанции степень эмоциональной и социальной вовлечённости горожан значительно снизилась, а социальное (связующее) значение дворовой территории ушло на второй план.

Однако в последние годы дворовая культура постсоветских городов переживает своеобразное возрождение – наблюдается рост количества соседских чатов в социальных сетях и мессенджерах, возвращаются традиции дворовых праздников, чаепитий и субботников, отмечаются примеры успешной борьбы жителей двора за «свою» территорию (сквер, детскую площадку и пр.). Горожане всё чаще пытаются приобрести субъектность, «стать видимыми», заставить городских управленцев прислушаться к мнению «обычного человека». Среди ключевых факторов подъёма дворовой активности можно назвать пандемию COVID-19, которая, с одной стороны, способствовала росту т. н. «цифрового доверия» (доверия в социальных сетях) [4], а с другой – привела к существенным сдвигам в сфере локальной идентичности, вызванным значительным сужением «ареала обитания» горожан. Если ранее исследователи выражали опасения, что протекающие в городах глобализационные процессы угрожают сохранению локальной идентичности горожан [36], приводят к унификации и космополитичности городского сознания, то сегодня можно говорить об обратном явлении – увеличении внимания к тому, что находится рядом (своему району, своему двору). В силу невозможности перемещаться далеко от своего дома горожане были вынуждены переосмыслить ту территорию, которая всегда находилась в непосредственной близости от них. В Беларуси в роли одного из механизмов запуска дворовой активности выступил политический кризис, когда, наряду с демонстрациями на главных проспектах и площадях, горожане стали активно собираться у себя во дворах

¹ How stranger danger changed the way children play. 2009 // BBC. News. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/8399749.stm> (дата обращения: 04.03.2021).

(в частности, такое поведение было характерно для минчан в период с сентября по декабрь 2020 года¹). При этом можно было наблюдать достаточно интересную трансформацию – начавшись с разного рода арт-интервенций (нанесение граффити, символов), дворовая активность достаточно быстро приобрела черты, характерные для советского периода, – совместные чаепития, соседские спортивные матчи, коллективное благоустройство территории и т.п. Российские исследователи также отмечают значимость конфликта для становления локальных сообществ [9]. Переплетение политических требований и житейских практик возвращает нас к дискуссии об идее «права на город» и её роли в современном гражданском участии [8], когда возрождение дворовых сообществ понимается как попытка заложить основу для становления *института местного самоуправления*.

Учитывая наметившийся подъём городской активности, темы дворовых сообществ, соседства и городского участия в последние несколько лет активно прорабатываются исследователями. Появляются работы, посвящённые роли «креативного класса» в городских преобразованиях [8], влиянию политического режима на ход борьбы за городское пространство [18], коммуникации локальных сообществ в социальных сетях [14], экономическому анализу социальной активности горожан [2], роли социального капитала в формировании феномена соседства [19], или же описанию конкретных практик и механизмов участия горожан в социокультурном развитии территорий [22]. Как правило, существующий исследовательский опыт сосредоточен в границах структуралистского конструктивизма – акцент делается на таких понятиях, как социальный капитал, сетевое взаимодействие, агенты и пр. Некоторые исследовательские вопросы, по-прежнему остаются открытыми. К примеру, не уделено должного внимания роли городского участия в преодолении феномена отчуждения (отстранённое, равнодушное отношение к собственному городу, эскапизм), неясны механизмы формирования границ активности локальных сообществ (границ «права на город»), не обозначена роль коммуникативных аспектов реализации «права на город». Исходя из этого, центральный исследовательский вопрос статьи был сформулирован следующим образом – являются ли современные принципы организации дворовых сообществ простой репликой советских коллективных практик, либо представляют собой качественно новую форму социальности, отличную от существовавших ранее, – местное самоуправление, основанное на желании реализовать своё «право на город»?

Методологические границы и эмпирическая основа исследования

Анализ активности соседских сообществ осуществлялся в русле неомарксистской интерпретации критической теории (А. Лефевр, Д. Харви, Д. Митчелл). Ключевой идеей, вокруг которой выстраивался

¹ «Раньше все жили обособленно, а теперь мы вместе». Белорусы устроили праздники во дворах // Onliner.by. URL: <https://realt.onliner.by/2020/10/10/ranshe-vse-zhili-obosoblenno-a-teper-my-vmeste-belorusy-ustroili-prazdniki-vo-dvorax> (дата обращения: 01.03.2022).

дизайн исследования, стала концепция «права на город», впервые озвученная Анри Лефевром [29] и за достаточно короткий период привлёкшая внимание множества городских исследователей (в частности, Д. Харви [28], Д. Митчелл [31]). С точки зрения неомарксизма городское публичное пространство (в данном случае жилой двор) рассматривается как площадка для репрезентации борьбы, конфликтов, или же острых социальных противоречий. Иными словами, это территория, которую необходимо «отвоевать» у каких-либо внешних сил, «стать видимыми», обратить на себя внимание, показать альтернативные точки зрения (создать «пространство репрезентации» в терминологии Дона Митчелла [31, с. 35]). «Отвоевание» такого пространства может означать как его активное преобразование «в соответствии с нашими сокровенными желаниями» [28, с. 92], так и нахождение в границах данного пространства, даже вопреки желанию «вышестоящих инстанций» (т. н. «коллективная власть тел»). Место в данном случае имеет первостепенное значение, поскольку только в публичном пространстве право на город может быть заявлено и реализовано [31]. Исходя из этого, в исследовании особое внимание было уделено описанию пространственных практик горожан (манипуляций с элементами дворовой территории, соседских праздников и чаепитий).

Различают несколько линий трактовки понятия «право на город» [21, 28, 29]. Во-первых, как права человека в городе – право иметь «крышу над головой», достойную зарплату, право на безопасность, защиту чести и достоинства и пр. Во-вторых, как право на «урбанность» – право на городской образ жизни, на культуру городского досуга, на возможность определять себя как горожанина. В-третьих, как право на «производство» пространства – допуск к принятию решений о преобразовании городской среды, а также непосредственное участие в таком преобразовании. В-четвёртых, как право менять город «под себя» – право каждой из социальных групп, «обитающих» в городе, воспроизводить характерный для неё образ жизни. И, наконец, как право «остаться» в городе – возможность противостоять механизмам и процессам (экономическим, политическим, культурным), которые «вытесняют» горожан за пределы городской черты (например, вынуждают уехать в случае значительного роста цен на жильё, или же делают невозможным нахождение в общественных пространствах, вводя запреты на сборы и массовые мероприятия). По мнению Лефевра, «право на город» означает «право на участие в производстве пространства на всех его уровнях». При этом можно выделить воспринимаемое пространство (*perceived space*) – объективное пространство физических объектов, с которыми люди взаимодействуют в повседневной жизни; задуманное/постигаемое пространство (*conceived space*) – совокупность идей и представлений о том, как должно выглядеть окружающее людей пространство, что оно собой представляет и почему; жилое пространство (*lived space*) как комбинация воспринимаемого и задуманного [29]. Иными словами, «право на город» – это возможность участвовать в производстве «городских

совместностей» (к которым относятся не только конкретные места, но и культурные практики, интеллектуальные схемы, аффективные сети, социальные институции). Диалектика «городской совместности» переключается с идеей Лефевра о «производстве пространства» [13], когда город – это и источник общего, и принимающий его резервуар [27].

Ещё одной важной в данном случае характеристикой «права на город» является его оспариваемый характер. Разные типы социальной дифференциации, присутствующие в городе (пол, возраст, семейный статус, доход, образ жизни и пр.), а также различия в возможностях мобильности, временных перспективах приводят к разной оценке имеющихся общих ресурсов (в одном случае дворовая территория – это место для игр и отдыха, а в другом – парковочное место). Реализация «права на город» почти всегда подразумевает конфликт, поиск компромисса и сотрудничество (в идеале – межсекторное). При этом на фоне всех субъектов, сталкивающихся в борьбе за реализацию «права на город» (городские власти, частные компании, горожане), координирующая роль государства будет расти – его первостепенной задачей станет управление и наблюдение за процессом формирования городских совместностей [33], тогда как локальные сообщества будут вынуждены объединяться и организовывать коллаборации. В связи с этим особое внимание в ходе исследования было уделено коммуникативным аспектам реализации «права на город» (в частности, онлайн-коммуникации соседей). Развитая цифровая инфраструктура играет важную роль в процессах производства и воспроизводства городского пространства. Внимание к соседским онлайн-коммуникациям позволяет «переосмыслить не только организацию соседских сообществ, но и устройство коллективного политического действия» [23, с. 45].

Второй категорией, важной для данного исследования, стало понятие «дворовое сообщество», которое рассматривалось преимущественно в духе экологической традиции, как некий социальный субъект, обладающий относительно высокой степенью социального единства [7] и имеющий определённый «ареал обитания» (от состояния которого в значительной степени зависит качество жизни членов сообщества). В этом смысле «сообщество – это «группа домохозяйств, расположенных в одном месте и связанных друг с другом функциональной взаимозависимостью, более тесной, чем аналогичная взаимозависимость с другими группами людей в рамках социального поля, к которому принадлежит сообщество» [26, р. ix]. При определении объекта исследования принимались во внимание две характеристики дворовых сообществ – *локальность* (принадлежность к определённой территории¹), а также *социальная плотность* (интенсивность взаимосвязей внутри сообщества выше, чем между отдельными членами сообщества и внешней средой). Близким термином здесь является термин «соседство» (neighborhood) – сообщество, которое возникает в результате естественного разделения города на сегменты (жилые дворы) [23].

¹ По этой причине за рамки эмпирического анализа были выведены соседские сообщества, не имеющие чётких границ территориального единства – слишком широкий «ареал обитания», преимущественная виртуальность совместных практик и пр.

Эмпирической основой исследования стали результаты анкетного онлайн-опроса, проведённого в Минске в сентябре–октябре 2020 года. Выборка формировалась методом «снежного кома» (респондентов, заполнивших анкету, просили отправить ссылку на неё ещё нескольким своим знакомым). Всего в опросе приняло участие 300 человек, из них 44,0% – мужчины, 56,0% – женщины (26,1% в возрасте от 18 до 25 лет, 21,3% – 26–35 лет, 36,0% – 35–45 лет, 13,0% – 46–60 лет, 3,7% – 60 и старше). 69,3% опрошенных имеют высшее образование, 10,7% – среднее специальное, 20,0% – учащиеся и студенты. Стоит отметить ряд методологических ограничений, связанных со спецификой сбора эмпирических данных (онлайн-опрос методом «снежного кома»). По сравнению с генеральной совокупностью, респонденты в достигнутой выборке представляют более молодую возрастную группу, а также имеют более высокий уровень образования. Фактически результаты опроса отражают мнение наиболее молодой и образованной части горожан (так называемых «ранних последователей» или «раннего большинства»).

Для удобства эмпирического измерения опросный лист охватывал три плоскости (ракурса) практической реализации «права на город»: ценностный (воспринимаемое смысловое содержание городского участия, его мотивы, оценка собственной роли как горожанина); символический (соотношение утилитарного и эстетического компонентов в городском участии) и событийный (отношение к соседским встречам как к формам городского участия).

Поскольку коммуникативные аспекты реализации права на город составляли важную часть предмета исследования, в качестве дополнительного метода сбора эмпирических данных использовался качественный анализ содержания «соседских чатов» города Минска за период с августа по сентябрь 2020 года. «Соседские чаты» должны были соответствовать следующим критериям: основные участники чата должны быть соседями (проживать в одном доме или нескольких домах, расположенных рядом); преимущественная тематика сообщений чата должна концентрироваться вокруг событий, касающихся непосредственно места проживания участников (благоустройство территории, организация праздников, помощь соседям в решении каких-либо проблем и пр.). По указанным критериям было отобрано шесть чатов, расположенных в различных районах города (два – в районах с новостройками, четыре – в районах смешанной застройки, преимущественно 1970–2000-х гг.).

Городское участие: субботник «по старой памяти» или тактический урбанизм?

Пространственный подход – это один из лучших способов понять соседское гражданское участие, поскольку домовладельцы видят себя не столько социальными агентами, сколько собственниками определённой территории [34], чьи интересы заключаются в первую очередь в её пре-

образовании в соответствии с собственными интересами. Исходя из этого первая задача исследования состояла в описании типичных практик городского участия.

По результатам опроса степень активного участия в преобразовании придомовой территории для минчан довольно низкая – регулярно это делают только 4,7% респондентов, ещё около 20% горожан имеют эпизодический опыт городского участия (1–2 раза в год) (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Участие в практиках по преобразованию городской территории, %
Participation in practices for the transformation of the urban area, %

Участвовали ли Вы когда-либо в благоустройстве, украшении, преобразовании городской территории по собственной инициативе (самостоятельно либо совместно с соседями, другими горожанами)?	2020
Да, участвую регулярно	4,7
Да, участвую несколько раз в год (редкое, эпизодическое участие, короткий опыт участия, недавно стал участвовать)	19,7
Нет, но я хотел бы принять участие в таких инициативах	41,0
Нет и не планирую	15,7
Я ничего не слышал о таких инициативах	19,0

Наиболее активно участвуют в благоустройстве придомовой территории женщины в возрасте от 46 до 60 лет. Очевидно, это связано с отчасти сохранившейся советской традицией дворовых субботников (тем более, что типичными практиками по преобразованию городской среды являются посадка цветов, деревьев (18,7%) и уборка территории (12,3%)). Стоит отметить, что, несмотря на изначально присутствующую в советском обществе политизированность субботника как формы коллективного действия, он никогда не воспринимался советскими горожанами как акт реализации своего «права на город». Это было скорее проявлением общинности, соседской солидарности, в чём-то даже конформизма («все вышли, как я могу не выйти?») [11], желанием реализовать собственные утилитарные цели (например, «заработать отгулы») [25]. Такой тип городского участия связан с решением повседневных задач по благоустройству городской среды (в первую очередь руководствуясь собственными интересами («чтобы было красиво», «самим же будет приятно посмотреть»)). Речь в данном случае идёт скорее не о реализации собственного «права на город» (как желания участвовать в производстве городского пространства, символически обозначить своё место в городе, высказать своё мнение и т.п.), а о низовой самоорганизации для достижения поставленных целей с наименьшими затратами («вкладчину»). Городское участие по типу «субботника» слабо связано с «урбанностью», о которой говорил Лефевр (как особый образ жизни, характеризующийся широким спектром интересов за пределами приватного пространства), оно в меньшей степени способствует формированию чувства ответственности за свой город, привязанности к нему, желанию взаимодействовать с другими горожанами (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Ценностный ракурс городского участия, %
Value perspective of urban participation, %

Согласие с высказываниями	Участие в благоустройстве городской территории	
	Да	Нет, но хотел бы
Я не чувствую большой привязанности к городу, в котором живу (допускаю возможность переезда, если появится такая возможность)	35,6	23,6
Я в основном провожу время в своей квартире, либо возле своего дома и не интересуюсь тем, что происходит в других местах	13,7	8,9
Я ощущаю свою ответственность за благоустройство и привлекательность своего города	21,9	35,0
Я хорошо осведомлен о жизни в своём городе (о происходящих событиях, новостях, интересных людях, новых местах и т. п.)	41,1	48,8
Я готов прийти на помощь своим соседям, другим горожанам в трудных жизненных ситуациях	64,3	70,7

Принципиально иную точку зрения представляют респонденты, которые на момент проведения опроса не имели опыта коллективного преобразования городской среды, однако хотели бы принять участие, если появится такая возможность. Они представляют собой наиболее многочисленную группу – 41% (в равной степени мужчины (47%) и женщины (53%) в возрасте преимущественно до 45 лет). В этом случае движущей силой выступает именно упомянутая выше урбанность – возможность определять себя как горожанина, желание оставить свой след в городской среде. Интерпретировать подобную активность можно, используя понятие «тактического урбанизма» [6]. Термин «тактический урбанизм» (англ. Tactical Urbanism) наполнился своим содержанием под влиянием идей М. Лайдона, основателя одноименного движения, которое появилось в США и практически сразу стало международным. Тактический урбанизм обозначает определённый подход к пониманию городского развития, основанный на использовании краткосрочных, низкочастотных, масштабируемых «вмешательств» для того, чтобы спровоцировать долгосрочные изменения (т. н. «теория малых дел»). При внешней схожести традиционного «субботника» и тактического урбанизма их суть различна. Если в первом случае городское участие представляет собой исключительно желание «привести в порядок» свой двор, то во втором уже появляется потребность выразить недоверие к городским властям, готовность взять ответственность за принятие решений на себя. Тут уместно вспомнить девиз тактического урбанизма (в понимании Лайдона) о том, что нелепо поручать ликвидацию последствий и исправление ситуации тем, кто сам и виноват в возникших проблемах [10]. В соответствии с этим принципом переустройство города силами самих горожан превращает их из простых потребителей городской среды в активных участников городского плани-

рования, которое в дальнейшем может перерасти в нечто большее (к примеру, принять форму муниципальных программ по поддержке местного самоуправления). В логике неомарксизма тактический урбанизм можно осмыслить как преодоление сложившегося отчуждения между человеком и городом, модернизацию городской среды «снизу», приведение в соответствие «новых» ценностей городской жизни и «старых» пространственных отношений. Ключевой мотивацией участия в практиках тактического урбанизма выступает как раз попытка «реализовать свои права» на городскую среду (особенно учитывая тот факт, что активизация дворовых сообществ в Беларуси совпала по времени с глубоким политическим кризисом). Подтверждает данное предположение и тот факт, что большинство респондентов (88,7%) уверены в своём праве самостоятельно преобразовывать (изменять, украшать, благоустраивать) территорию своего города или района проживания на основе собственных предпочтений (и только 2,3% полагают, что любыми преобразованиями городской территории должны заниматься только городские власти или коммунальные службы).

Подобный феномен Лефевр называет «городской демократией» [29] – важнейшей чертой «урбанности» как образа жизни, производной от таких качеств, как разнообразие и различие. В данном случае – желание уйти от типового оформления жилых дворов, стремление к творчеству, индивидуальности, самовыражению. Об этом говорит степень согласия с утверждением: «Горожане имеют право не только использовать городские ресурсы, но и менять город по своему усмотрению – менять названия улиц, наносить изображения, рисунки, организовывать городские праздники» (по шкале от 1 – полностью не согласен до 10 – полностью согласен) (см. рис. 1).

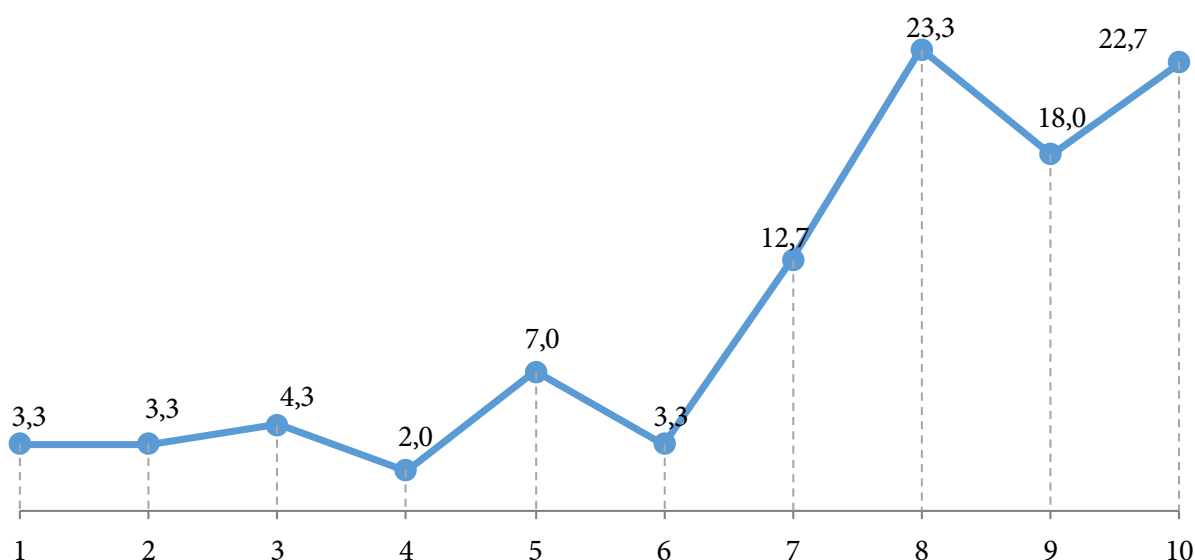

Рис. 1. Субъективное восприятие права на преобразование городской среды (2020), %
 Figure 1. Subjective perception of the right to transform the urban environment (2020), %

Осознание своего «права на город» постепенно начинает выходить за рамки его утилитарного понимания (как благоустройство городской среды) и приобретает черты символического самоопределения – 82,0% респондентов согласны с тем, что горожане обладают

правом коллективно создавать, выбирать и размещать на видимых участках городской территории символы своего района (при условии, если это не нарушает общепринятых морально-этических норм) и только 11,3% полагают, что созданием и размещением любых символов должны заниматься городские власти и коммунальные службы. Такая возможность упоминается и в «соседских» чатах («*Есть идея сделать логотип нашего чата, улицы или даже рестайлинг района*»).

Кроме того, 80% горожан, принявших участие в исследовании, хотели бы иметь возможность принимать участие в «дворовых» праздниках (совместные чаепития, концерты, ярмарки) вместе со своими соседями, при этом 61,9% респондентов готовы выступить в роли организаторов (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Событийный ракурс городского участия, %*
Event perspective of urban participation, %

Могли бы Вы выступить в роли организатора (участвовать в организации) какого-нибудь городского события, в том числе в своём районе (совместный праздник с соседями, субботник, ярмарка, уличный концерт и пр.)?	2020
Да, если всё будет организовано в рамках закона	21,6
Да, если мне ничего не будет угрожать (если я буду в безопасности)	22,4
Да, если у меня будут доступные ресурсы (в том числе материальные)	44,1
Нет, это исключено	38,1

*Сумма ответов больше 100%, так как можно было выбрать несколько вариантов.

В данном случае обнаруживается новая трактовка «права на город» как права на производство собственной идентичности, ослабление репрессивной функции городской среды (когда чиновники самостоятельно решают, «чего хотят люди», – какие деревья и где именно посадить, какого цвета должны быть скамейки во дворе, когда именно и где пройдёт городской субботник и пр.). В этом ракурсе «право на город» иллюстрирует «желаемое будущее», которое должно сложиться в результате коллективного действия горожан – проекция себя на окружающую среду, выражение себя через свойства городской среды и городской среды через собственную картину мира («создавая город, человек переделывал и себя») [32, р. 3].

Однако тут важен принципиально «низовой» характер дворовой активности, а не её имитация, инициированная «наверху»¹. Оперируя категориями неомарксизма, речь в данном случае идёт об универсальном социальном единстве, которое имеет ненасильственный характер, но при этом не является аморфным и релятивистским. Такое единство «не должно быть центрированным какой-либо субстанцией, но иметь событийную точку притяжения; оно должно обеспечивать солидарность людей, но не оборачиваться новым тоталитаризмом» [1, с. 38].

¹ Как, например, КОТОС (коллегиальный орган территориального самоуправления), эффективность которого, в силу отсутствия реальных полномочий, достаточно невысока.

Но в таком случае встаёт вопрос об ограничениях реализации собственного «права на город». Такой вопрос задавался в ходе анкетного опроса. Результаты исследования показали значительный приоритет внутренних, общечеловеческих, моральных барьеров, над внешними, формализованными (идеология, законодательство). При этом в наименьшей степени на восприятие границ городской активности влияет соответствие принимаемых действий государственной идеологии (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

Ограничения для реализации собственного «права на город», %
Restrictions for exercising one's own «right to the city», %

В каких случаях право горожан на изменение городской территории, организацию городских событий или участие в них должно быть ограничено?	2020
Если их действия наносят вред, могут быть опасны для других людей	89,0
Если их действия наносят вред внешнему облику города, ухудшают его состояние, выводят из строя городскую инфраструктуру	83,3
Если их действия оскорбляют других людей, вызывают общественное возмущение, доставляют дискомфорт другим людям	63,0
Если их действия противоречат действующему законодательству	55,0
Если их действия противоречат официальной государственной идеологии	11,6

Речь идёт о «гражданском мире», для которого характерны внимание индивидов к коллективным интересам и стремление к коллективным действиям во имя общего блага, в том числе демонстрация единения в формах физического присутствия (особенно в конфликтных ситуациях, символически объединяясь против официальных властей) [3]. Иными словами, подобные показатели могут говорить, во-первых, о зарождающихся процессах формирования гражданского общества (в отношении городского населения) и, во-вторых, о назревшем противоречии между существующими идеологическими и законодательными нормами и коллективно разделяемыми представлениями о «правильном» поведении («низы не хотят по-старому, верхи не могут по-новому»).

Д. Харви отмечал, что, когда речь идёт о реализации «права на город», частные запросы одних социальных групп будут находиться в постоянном конфликте с запросами других [21]. В этом смысле право на город может оказаться своеобразной ловушкой («*local trap*»), когда локальные интересы какой-либо части местных жителей (к примеру, активистов) затмевают интересы более широкой части общественности, что является прямым противоречием самой идеи «городской демократии» [35, р. 1923]. Особенно это актуально при низком уровне доверия горожан друг к другу и отсутствии сплочённости (по результатам проведённого нами опроса только 15,3% минчан доверяют людям, с которыми живут по соседству, 13,6% ощущают поддержку со стороны соседей). Разрешить данное противоречие можно, договорившись об «общественном благе», когда любые преобразования городской среды допустимы лишь в тех случаях, когда они соответствуют представлениям о том, что в данном сообществе признано «общим благом».

Границы собственного «права на город» не всегда могут быть верно определены соседями, что часто приводит к локальным конфликтам. В повседневной онлайн-коммуникации частные интересы (к примеру, желание жить в благоустроенном дворе) артикулируются многими пользователями (вырабатываются приемлемые для всех параметры и критерии благоустройства двора), постепенно переходят в плоскость «общезначимых тем» (желание иметь доступ к принятию решений о благоустройстве собственного двора), после чего становятся основой для формирования новых ценностей (гражданские права и свободы, участие, ответственность и т.п.). Тут уместно вспомнить концепцию публичной сферы Ю. Хабермаса, которая представляет собой синтез «системы» (политических, нормативных, юридических категорий) и «жизненного мира» (повседневного взаимодействия, обыденных смыслов и языковых норм), превращает «приватное» в «политическое» [20]. На передний план в такой ситуации выходит проблема коммуникативных разрывов, а сама идея «права на город» перемещается в плоскость коммуникации с соседями.

«Право на город» как коммуникативная сфера: соседские чаты и онлайн-сообщества

Локальные сетевые площадки в условиях активизации городского участия выступают в роли одного из значимых ресурсов активизации практической деятельности – они помогают соседям познакомиться друг с другом, координировать свои действия, а также позволяют не только делиться друг с другом «локальным знанием», но и доводить информацию о местных проблемах до более широкой аудитории, «остаться в городе» [21], противостоять «вытеснению» за пределы городской черты (в том числе и символическому, как запрет на любые изменения).

Опрос показал, что потенциал соседской онлайн-коммуникации в Минске реализован не в полной мере – всего 38,5% опрошенных состоят в «соседских чатах» (из них 13,8% обозначают себя как активных участников). При этом 43,9% минчан отметили, что они практически не знакомы с соседями и не знают о существовании «дворовых» чатов. Неудивительно, что 49,7% горожан удерживает от непосредственного участия в преобразовании городской среды отсутствие знакомства с соседями, незнание того, с чего начать, к кому обратиться и пр., 12,2% опрошенных и вовсе опасаются конфликтов с соседями («сделаю что-то не то, кому-то не понравится»).

Возникает вопрос о том, есть ли связь между «соседскими» чатами и «правом на город»? Можно ли рассматривать их как механизм преодоления отчуждения, возможность «остаться в городе»? Для того, чтобы понять, насколько соседские чаты способствуют вовлечению горожан в преобразование городской среды и развитию городской демократии, был проведён качественный анализ их содержания.

С точки зрения правил «входа» участников соседские чаты можно разделить на две группы – «для всех» и «для своих». Такое разделение основано на гипотезе о том, что «коммуникация локальных сетевых

сообществ в социальных сетях происходит не просто в форме “публичных сетевых разговоров”, а балансирует между двумя режимами, которые можно условно назвать “соседским” и “гражданским” и которым соответствуют разные типы сетевых публик» [14, с. 48].

Дворовые чаты «для всех» максимально открыты, попасть в них может любой желающий (подтверждать свою принадлежность к «дворовому» сообществу не нужно), хотя «костяк» участников обычно составляют реальные жители. Взаимодействие концентрируется вокруг как локальных проблем (благоустройство двора, организация праздников), так и общеполитических и социальных вопросов. При этом разговоры характеризуются отсутствием формализованности и чётких границ между обсуждением частных вопросов и общественно значимых интересов и проблем. Однако пространственный фактор (непосредственно придомовая территория) в данном случае имеет второстепенное значение. Ключевым критерием участия в чате данного типа выступает не фактическое соседство, а близость взглядов и ценностей – то есть среди участников остаются те, кто разделяют ценностную картину мира друг друга, в то время как «несогласные» удаляются из чата администратором. Такие чаты отличаются более выраженной политической окраской, в них реже возникают внутренние дискуссии и противоречия, участники, как правило, открыто демонстрируют свои политические взгляды (могут звучать призывы к участию в акциях, предлагают подписать петиции и т.п.), встречается репост новостей из других чатов (также преимущественно политического толка). Учитывая данные обстоятельства, большинство участников подобных чатов прибегает к тактике максимальной анонимности (пользуются вымышленными именами, скрывают личные номера телефонов), что вызывает определённые трудности в идентификации «своих» (соседей) и «чужих» (остальных горожан).

Дворовые чаты «для своих» имеют принципиальное отличие – вход в них возможен только после подтверждения места проживания (функцию контроля выполняет администратор). Спектр механизмов идентификации в данном случае достаточно широк – начиная от просьбы сообщить администратору чата свой адрес и заканчивая необходимостью показать фотографию прописки в паспорте, поделиться геолокацией, либо продемонстрировать собственный вид из окна. Строгость подобных практик зависит от того, насколько тщательно дворовое сообщество охраняет свои границы от «чужаков». Преимущественная тематика сообщений в чатах «для своих» концентрируется вокруг локальных вопросов, хотя возможно и обсуждение глобальных событий, происходящих в стране (например, обсуждение выборов, конституционной реформы, санкций и пр.). Важной особенностью чата «для своих» является то, что ключевым критерием участия выступает фактическое соседство – участники могут не разделять политические взгляды друг друга, но состоять в одном чате и взаимодействовать исключительно по локальным вопросам («вне политики»). В связи с этим такой чат может иметь более дискуссионный характер, в нём могут возникать конфликты на почве разных политиче-

ских взглядов, которые, как правило, заканчиваются «уходом» в плоскость бытовых вопросов (что подтверждают цитаты из чатов: *«Этот чат для дома, а не для политики и выражения мнения. Кто-то против, кто-то за»*, *«Объективно в доме живут люди различных взглядов»*).

Несмотря на то, что в обоих случаях коммуникация привязана к определённому городскому пространству (жилому двору), *тип формирующихся взаимосвязей в чатах «для всех» и «для своих» различается*. Коммуникация в чатах первого типа («для всех») строится по принципу *«онлайн-сообщества»*, тогда как в чатах «для своих» мы уже имеем дело с *«сообществами онлайн»* (используя терминологию нидерландского теоретика новых медиа Яна ван Дейка) [37]. «Сообщества онлайн», которые формируются на основе чатов «для своих», не зависят исключительно от используемой локальной сетевой площадки, они могут комбинировать различные средства онлайн- и офлайн-коммуникации (в том числе и отдавая предпочтение последнему). Иными словами, они не были созданы исключительно благодаря Telegram-каналам и могут поддерживать своё существование и без них (при условии сохранения связующего элемента – интереса соседей друг к другу и собственному двору). Тогда как в случае с «онлайн-сообществами» их существование напрямую зависит от благополучия цифровой платформы, на которой они базируются (в случае блокировки таких чатов сложившиеся сообщества оказываются нежизнеспособными в офлайн-среде).

«Сообщества онлайн» представляют собой «сообщества практики», основанные *на общем*, а не на общении – на основе общих интересов, сконцентрированных на определённой территории, воспринимаемой всеми членами сообщества как «своей». Они позволяют горожанам увидеть альтернативные точки зрения, наглядно показывают многообразие существующих взглядов, развивают терпимость и формируют умение искать точки соприкосновения, достигать компромисса, вырабатывать общепринятые правила коммуникации, сначала как «правила чата» (*«Не нужно опускаться до оскорблений, нам всем жить в одном доме»*), после – как универсальные правила общения (*«Давайте проводить мероприятия, которые будут объединять людей, а не вносить дальнейший раскол»*). В силу достаточно жёсткой модерации, спонтанная коммуникация, возникающая в «сообществах онлайн» (networked public talk), имеет шанс превратиться в особую форму политической культуры [38].

Подобные гибриды реального и цифрового, материального и социального достаточно часто мобилизуются в рамках повседневного самоуправления. Цифровые платформы в этих процессах выходят за рамки инструментальной роли и становятся активными участниками городских преобразований. Результаты проведённого нами опроса показали взаимосвязь между знакомством с соседями и участием в коллективных практиках – чем активнее горожане общаются со своими соседями (в том числе и вне «соседских чатов»), тем более высока вероятность их участия в благоустройстве придомовой территории, дворовых праздниках, совместных чаепитиях и т. д. (см. рис. 2).

Рис. 2 Участие в преобразовании дворовой территории (2020 г.), %
 Figure 2. Participation in the transformation of the courtyard area (2020), %

Заключение

Проведённое нами исследование подтвердило тезис о том, что концепция «права на город» выходит за пределы условного доступа к уже существующим ресурсам городской среды. В это понятие необходимо вкладывать, прежде всего, возможность активного преобразования города, приведение его в соответствие с артикулируемыми потребностями горожан. Однако в дополнение к традиционным субботникам (привычка к которым у части горожан сохранилась со времён СССР) появляются новые формы городского участия. Для новых дворовых сообществ характерна т. н. «урбанность» – особый образ жизни, характеризующийся широким спектром интересов за пределами приватного пространства, возможность определять себя как горожанина, желание оставить свой след в городской среде. Городское участие в этом смысле тесно связано с такими аспектами, как чувство ответственности за свой город, привязанность к нему, желание взаимодействовать с другими горожанами. Ключевой мотивацией в данном случае выступает как раз попытка «реализовать свои права» на городскую среду, преодолеть сложившееся отчуждение между человеком и городом, быть «обитателями», а не «населением», производить не только пространство, но и новые конфигурации городской жизни («community-based» development and planning).

Городам, как и многим социальным системам, свойственно самовоспроизведение, которое можно сравнить с вирусным процессом проникновения, производства и расширения. Следовательно, отчуждение и неравенство на уровне жилого двора (как частный случай) стремится воспроизводить себя на более высоких уровнях (в масштабах города или страны в целом). Оспаривать своё «право на город» в данном контексте означает оспаривать социальные процессы, в которых они укоренены, отстаивать новые конфигурации городской жизни. Город – символ власти, одновременно является свидетельством «государственной» иллюзии: уверенности в том, что государство знает, как управлять, и умеет это делать наилучшим образом. Однако растущая самоорганизация, горизонтальное распространение эффективных моделей поведения, реализуемые установки на взаимопомощь («низовая» деконструкция социальности) способствуют институционализации новой функциональной нормативно-ценностной системы. Механизмы реализации «права на город» запустили процессы (ре)формирования соседских сообществ – на основе дарообмена (дворовые праздники, организованные «вкладчину»), производства локальной идентичности (создание и развитие символики своего района, улицы), модерации и поиска компромиссов («прямая дворовая демократия» в соседских чатах). С другой стороны, эти процессы осложнены такими факторами, как смена поколений, разрыв между старыми советскими представлениями о своём месте и своей роли в городе и новыми, чётких границ которых пока не сформировано (когда горожане на собственном, зачастую болезненном опыте пытаются их определить). В связи с этим «право на город» постепенно переходит в плоскость коммуникации с соседями, приобретает черты коммуникативного действия по Хабермасу, ориентированного на достижение взаимопонимания и согласия.

Безусловно, имеющиеся эмпирические данные не позволяют уверенно экстраполировать сделанные в статье выводы на все российские и белорусские города, однако об определённых трендах судить всё же можно (учитывая то, что похожие черты соседства отмечаются и в российских исследованиях – к примеру [24]). Исходя из этого, можно предположить, что «право на город» всё теснее будет коррелировать с такими понятиями, как «сети», «коммуникация», «публичная сфера», «форум». В будущем (при благоприятных условиях) практическая реализация соседской коммуникации в меньшей степени будет привязана к непосредственному «отвоеванию» физических территорий и преимущественно станет разворачиваться в коммуникативной плоскости, предполагая вовлечение как можно большей части населения в общественно-политическую повестку, формирование сети лидеров и интеграцию индивидов с уже существующими социальными связями в формальные административные структуры, а также организацию информационной поддержки местного самоуправления и местного лидерства (*collaborative common*). В силу возможности сделать акцент на децентрализованной событийности и процессуальности социального, конструировании универсального социального единства, критическая теория имеет значительные перспективы в городских исследованиях, особенно посвящённых «праву на город».

Библиографический список

1. Бемянская Л. В. Постмарксистский универсализм в контексте проблем глобализации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. 2015. № 3 (29). С. 30–39.
2. Богданова Л. П., Смирнов И. П. Социальная активность городских сообществ: опыт исследования на примере средних городов Тверской области // Экология урбанизированных территорий. 2018. № 1. С. 50–57. DOI: 10.24411/1816-1863-2018-11050
3. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Пер. с фр. О. В. Ковеневой; науч. ред. перевода Н. Е. Колосов. М.: НЛЮ, 2013. 576 с.
4. Веселов Ю. В. Доверие в цифровом обществе // Вестник СПбГУ. Социология. 2020. № 13 (2). С. 129–143. DOI: 10.21638/spbu12.2020.202
5. Герасимова Е. Ю., Чуйкина С. А. От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду: изменение социально-пространственной структуры города в 30-е годы // Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920-е – 1930-е годы / Под ред. Т. Вихавайнен. СПб.: Нева, 2000. С. 27–74.
6. Грибер Ю. А., Литвинова Т. Н. Тактический урбанизм как форма модернизации повседневности // Социодинамика. 2015. № 9. С. 1–19. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.9.16196
7. Добрякова М. С. Исследования локальных сообществ в контексте позитивизма, субъективизма и теории глобализации // Социология: 4М. 2001. № 13. С. 27–59.
8. Желнина А. «Тусовка», креативность и право на город: городское публичное пространство России до и после протестной волны 2011–2012 годов // Stasis. 2014. Т. 2. № 1. С. 260–295.
9. Кольба А. И., Кольба Н. В. Городские конфликты как фактор гражданско-политической активизации локальных сообществ // Политическая наука. 2019. № 2. С. 160–179. DOI: 10.31249/poln/2019.02.08
10. Лайдон М., Гарсия Э. Тактический урбанизм. Краткосрочные действия – долгосрочные перемены / Пер. с англ. Л. Сумм, А. Огнева. М.: Strelka Press, 2019. 304 с.
11. Лебедева Е. В. Трансформация публичного пространства постсоветских городов // Социология. 2016. № 4. С. 107–115.
12. Ледяев В. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: ВШЭ, 2012. 472 с.
13. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
14. Павлов А. В. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «соседской» и «гражданской» коммуникацией // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 5. С. 46–57.

15. Пиир А. Окно во двор (к описанию дворового пространства) // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: Сборник статей. Вып. 2. СПб.: ЕУ в СПб., 2002. С. 194–230.

16. Пиир А. Для чего нужен двор? (Возрастные сообщества ленинградских дворов) // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 345–378.

17. Пиир А. «Утраченный двор» (к описанию феномена ленинградской дворовой культуры) [Les cours d'immeubles et leur culture: l'exemple de St. Petersburg] // L'URSS — un paradis perdu?: Le temps et ses representation dans la culture Russe. (Cahiers slaves. No. 11/12). Paris: Universite de Paris-Sorbonne (Paris IV) U. F.R d'Etudes Slaves, 2010. P. 149–171.

18. Тыканова Е., Хохлова А. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 2. С. 241–256.

19. Тыканова Е. В., Тенишева К. А. В плену «эффекта соседства»: социальный капитал и активизм в новых анклавных жилищных комплексах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 2. С. 7–35. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.2.1

20. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. 1993. № 2. С. 123–136.

21. Харви Д. Социальная справедливость и город / Пер. с англ. Е. Ю. Герасимовой. М.: НЛО, 2019. 440 с.

22. Чернега А. А. «Сила местных сообществ»: практики, механизмы и модели участия жителей в социокультурном развитии территории (на примере малых населенных пунктов Вологодской области) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 3. С. 51–77. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.3.3

23. Чернышева Л. А. Онлайн- и офлайн-конфликты вокруг городской совместности: забота о городском пространстве на территории большого жилого комплекса // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 2. С. 36–66. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.2.2

24. Чернышева Л., Гизатуллина Э. «ВКонтакте с соседями»: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе Санкт-Петербурга // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2021. № 13(2). С. 39–71. DOI: 10.25285/2078-1938-2021-13-2-39-71

25. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 664 с.

26. Elias N. Towards a Theory of Communities. The Sociology of Communities: A Selection of Readings. Colin Bell and Howard Newby (ed.). London: Frank Cass & Co. Ltd., 1974. P. ix–xliii.

27. Hardt M., Negri A. Commonwealth. Cambridge: An Imprint of Harvard University Press, 2011. 434 p.

28. Harvey D. The Right to the City // International Journal of Urban and Regional Research. 2003. № 27 (4). P. 939–941.
29. Lefebvre H. Writing on cities. Blackwell Publishers, 1996. 272 p.
30. Lofland L. H. The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Social Territory. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2009. 326 p.
31. Mitchell D. The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space. New York: Guildford Press, 2003. 270 p.
32. Park R. On Social Control and Collective Behavior. Chicago: University of Chicago Press, 1967. 274 p.
33. Parker P., Johansson M. Challenges and potential in collaborative management of urban commons // Multifaceted nature of collaboration in contemporary world. In T. B. Valic, D. Modic, U. Lamut, & T. Luckman (Eds). London: Vega Press, 2012. P. 92–113.
34. Purcell M. Neighborhood activism among homeowners as a politics of space // Professional Geographer. 2001. № 53(2). P. 178–194.
35. Purcell M. Urban Democracy and the Local Trap // Urban Studies. 2006. № 43 (11). P. 1921–1941.
36. Robins K. Prisoners of the City: Whatever Can a Postmodern City Be? // Space and Place: Theories of Identity and Location. Carter E., Donald J. and Squires J. (eds). London: Lawrence & Wishart, 1999. 399 p.
37. van Dijk J. The Network Society. Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publishing, 2006. 272 p.
38. Walker D. M. Networked Public Talk: Attention, Difference, and Imagination in Online Urban Forums. Michigan: University of Michigan, 2011. 308 p.

Статья поступила 26.10.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедева Елена Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.775

“Right to the City”: Experience of Analysis of Courtyard Communities from the Position of Critical Theory (by the Example of Minsk)

Elena V. Lebedeva

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

E-mail: Elena_lebedeva_bsu@tut.by

ORCID ID: 0000-0002-3138-337X

For citation: Lebedeva E. V. “Right to the city”: experience of analysis of courtyard communities from the position of critical theory (by the example of Minsk). *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 44–66. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.775

Abstract. Traditionally, the Soviet courtyard was presented in urban studies as a sphere of attraction for the interests of most neighbours. However, the changes in the post-Soviet period (the commercialisation of public space, the stratification and segregation of citizens) significantly weakened the activity of courtyard communities. Recently, under the influence of a number of factors (the Covid-19 pandemic, the growth of socio-political activity), cities, on the contrary, are experiencing a significant civic upsurge, the traditions of spending time together in residential courtyards are gradually being renewed. The revival of the activity of courtyard communities actualises the study of issues related to the perception of citizens of their “right to the city”, the boundaries and possibilities of its practical implementation, as well as the influence of communicative factors. The neo-Marxist interpretation of critical theory (A. Lefevre, D. Harvey, D. Mitchell) has been used as the methodological basis for the analysis of courtyard communities. The empirical materials collected in the course of the study (results of a questionnaire survey, supplemented by the analysis of the content of neighbours chats) revealed a number of fundamental differences between “new” courtyard communities and traditional (“Soviet”) ones. In the “Soviet” courtyard communities, urban participation was not so much the realisation of the “right to the city” as an example of communal (rural) cooperation (a form of grassroots self-organisation to achieve the set goals at the lowest cost). In the case of the “new” courtyard communities, the driving force is “urbanity” as the ability to define oneself as a city dweller, the desire to leave one’s mark in the urban environment. At the same time, the “right to the city” goes beyond its utilitarian understanding (as the improvement of the urban environment) and acquires the features of symbolic self-determination, becomes the right to produce one’s own identity. Courtyard communities formed on the basis of the realisation of their own “right to the city” are characterised by the ability to reach a compromise and develop generally accepted rules of communication. If such trends continue, the “right to the city” will be closely correlated with such concepts as “communication”, “public sphere”, “forum”, and its practical implementation will be less and less tied to the direct “reconquest” of physical territories and will increasingly begin to unfold in the communicative plane.

Keywords: urban environment, urban participation, “right to the city”, self-government, neighbourhood communities, communication, critical theory

References

1. Belyanskaya L. V. Post-Marxist Universalism in the Context of Globalization Problems. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015: 3 (29): 30–39 (in Russ.).
2. Bogdanova L. P., Smirnov I. P. Social activity of urban communities: research experience on the example of medium-sized cities of the Tver region. *Ekologiya urbanizirovannykh territoriy*, 2018: 1: 50–57 (in Russ.). DOI: 10.24411/1816-1863-2018-11050
3. Boltanski L., Teveno L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sociologii gradov* [Criticism and justification of justice: Essays on the sociology of cities]. Transl. from Fr. by O. V. Coveneva. Moscow, NLO, 2013: 576 (in Russ.).
4. Veselov Yu. V. Trust in a digital society. *Vestnik SPbGU. Sotsiologiya*, 2020: 13 (2): 129–143 (in Russ.). DOI: 10.21638/spbu12.2020.202
5. Gerasimova E., Chuykina S. Ot kapitalisticheskogo Peterburga k socialisticheskomu Leningradu: izmenenie social'no-prostranstvennoj struktury goroda v 30-e gody [From capitalist Petersburg to socialist Leningrad: changes in the social and spatial structure of the city in the 30s.]. *Normy i cennosti povsednevnoj zhizni: stanovlenie socialisticheskogo obraza zhizni v Rossii* [Norms and values of everyday life: the formation of a socialist lifestyle in Russia, the 1920s – 1930s]. T. Vikhaynen (ed.). St. Petersburg, Neva, 2000: 27–74 (in Russ.).
6. Griber Y. A., Litvinova T. N. Tactical urbanism as a form of modernization of everyday life. *Sotsiodinamika*, 2015: 9: 1–19. (in Russ.). DOI: 10.7256/2409-7144.2015.9.16196
7. Dobryakova M. S. Issledovaniya lokal'nykh soobshchestv v kontekste pozitivizma, sub`ektivizma i teorii globalizatsii [Research of local communities in the context of positivism, subjectivism and the theory of globalization]. *Sotsiologiya: 4M*, 2001: 13: 27–59 (in Russ.).
8. Zhelnina A. “Hang-out”, creativity and the right to the city: urban public space in Russia before and after the protest wave of 2011–2012. *Stasis*, 2014: 2(1): 260–295 (in Russ.).
9. Kolba A. I., Kolba N. V. Urban conflicts as a factor in the civil and political activation of local communities. *Politicheskaya nauka*. 2019: 2: 160–179 (in Russ.). DOI: 10.31249/poln/2019.02.08
10. Lydon M., Garcia E. Tactical Urbanism. Short-term action for long-term change. Transl. from Eng. by Lyubov Summ, Alexey Ognev. Moscow, Strelka Press, 2019: 304 (in Russ.).
11. Lebedeva E. V. Transformation of the public space of post-Soviet cities. *Sotsiologiya*, 2016: 4: 107–115 (in Russ.).

12. Ledyayev V. *Sociologiya vlasti. Teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskix soobshhestvax* [Sociology of power. Theory and experience of empirical research of power in urban communities]. Moscow: Izd. dom VHSE, 2012: 472 (in Russ.).
13. Lefevr A. *Production of space*. Transl. from Fr. by Irina Staff. Moscow, Strelka Press, 2015: 432 (in Russ.).
14. Pavlov A. V. Local city communities in social networks: between “neighborly” and “civic” communication. *Labirint. Zhurnal sotsial’no-gumanitarnykh issledovaniy*, 2016: 5: 46–57 (in Russ.).
15. Piir A. Okno vo dvor (k opisaniyu dvorovogo prostranstva) [Window to the courtyard (to the description of the courtyard space)]. *Antropologiya. Fol’kloristika. Lingvistika: Sbornik statey. Vyp. 2* [Anthropology. Folklore. Linguistics: Collection of articles. Edition 2]. St. Petersburg, EU v SPb., 2002: 194–230 (in Russ.).
16. Piir A. What is a yard for? (Age communities of Leningrad courtyards). *Antropologicheskiiy forum*, 2006: 5: 345–378 (in Russ.).
17. Piir A. “The Lost Courtyard” (describing the phenomenon of the Leningrad courtyard culture). *Cahiers slaves*, 2010: 11–12: 149–171 (in Russ.).
18. Tykanova E., Khokhlova A. The urban political regime in St. Petersburg: the role of real and imagined “growth machines” in the struggle for urban space. *Zhurnal issledovaniy sotsial’noy politiki*, 2015: 2: 241–256 (in Russ.).
19. Tykanova E. V., Tenisheva K. A. Trapped by the “neighborhood effect”: social capital and activism in the new enclave condominiums. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noy antropologii*, 2020: 2: 7–35 (in Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2020.23.2.1
20. Habermas Y. The relationship between the system and the life-world in the conditions of late capitalism. *THESIS*, 1993: 2: 123–136 (in Russ.).
21. Harvi D. *Social Justice and the City*. Transl. from Eng. by E. Yu. Gerasimova. Moscow, NLO, 2019: 440 (in Russ.).
22. Chernega A. A. “The power of local communities”: practices, mechanisms and models of resident’s participation in sociocultural development of territories (on the materials of small towns and villages in the vologda region). *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noy antropologii*, 2020: 3: 51–77 (in Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2020.23.3.3
23. Chernysheva L. A. Online and offline conflicts around urban commons: caring for urban space in the territory of a large housing estate. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noy antropologii*, 2020: 23(2): 36–66 (in Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2020.23.2.2
24. Chernysheva L., Gizatullina E. “Vkontakte with neighbors”: features and practices of hybrid neighborhood in a large residential complex of St. Petersburg. *Laboratorium: Zhurnal social’nyh issledovaniy*. 2021: 13(2): 39–71 (in Russ.). DOI: 10.25285/2078-1938-2021-13-2-39-71
25. Yurchak A. E`to bylo navsegda, poka ne konchilos`. Poslednee sovetskoe pokolenie [It was forever, until it ended. The last Soviet generation]. Moscow, NLO, 2014: 664 (in Russ.).
26. Elias N. *Towards a Theory of Communities*. Colin Bell and Howard Newby (ed.). The Sociology of Communities: A Selection of Readings. London, Frank Cass & Co. Ltd, 1974: ix–xliii.
27. Hardt M., Negri A. *Commonwealth*. Cambridge, An Imprint of Harvard University Press, 2011: 434.
28. Harvey D. The Right to the City. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2003: 27(4): 939–941.
29. Lefebvre H. *Writing on cities*. Blacwell Publishers, 1996: 272.
30. Lofland L. H. *The Public Realm: Exploring the City’s Quintessential Social Territory*. New Brunswick and London, Transaction Publishers, 2009: 326.
31. Mitchell D. *The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space*. New York, Guildford Press, 2003: 270.
32. Park R. *On Social Control and Collective Behavior*. Chicago, University of Chicago Press, 1967: 274.
33. Parker P., Johansson M. Challenges and potential in collaborative management of urban commons. In T. B. Valic, D. Modic, U. Lamut, & T. Luckman (Eds). *Multifaceted nature of collaboration in contemporary world*, 2012: 92–113.

34. Purcell M. Neighborhood activism among homeowners as a politics of space. *Professional Geographer*, 2001: 53(2): 178–194.
35. Purcell M. Urban Democracy and the Local Trap. *Urban Studies*, 2006: 43 (11): 1921–1941.
36. Robins K. Prisoners of the City: Whatever Can a Postmodern City Be? Space and Place: Theories of Identity and Location. Carter E., Donald J. and Squires J. (eds). London, Lawrence & Wishart, 1993: 399.
37. van Dijk J. The Network Society. Thousand Oaks, New Delhi, Sage Publishing, 2006: 272.
38. Walker D. M. Networked Public Talk: Attention, Difference, and Imagination in Online Urban Forums. Michigan, University of Michigan, 2001: 308.

The article was submitted on: October 26. 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Lebedeva, Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of Communication Technologies and
Public Relations, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus